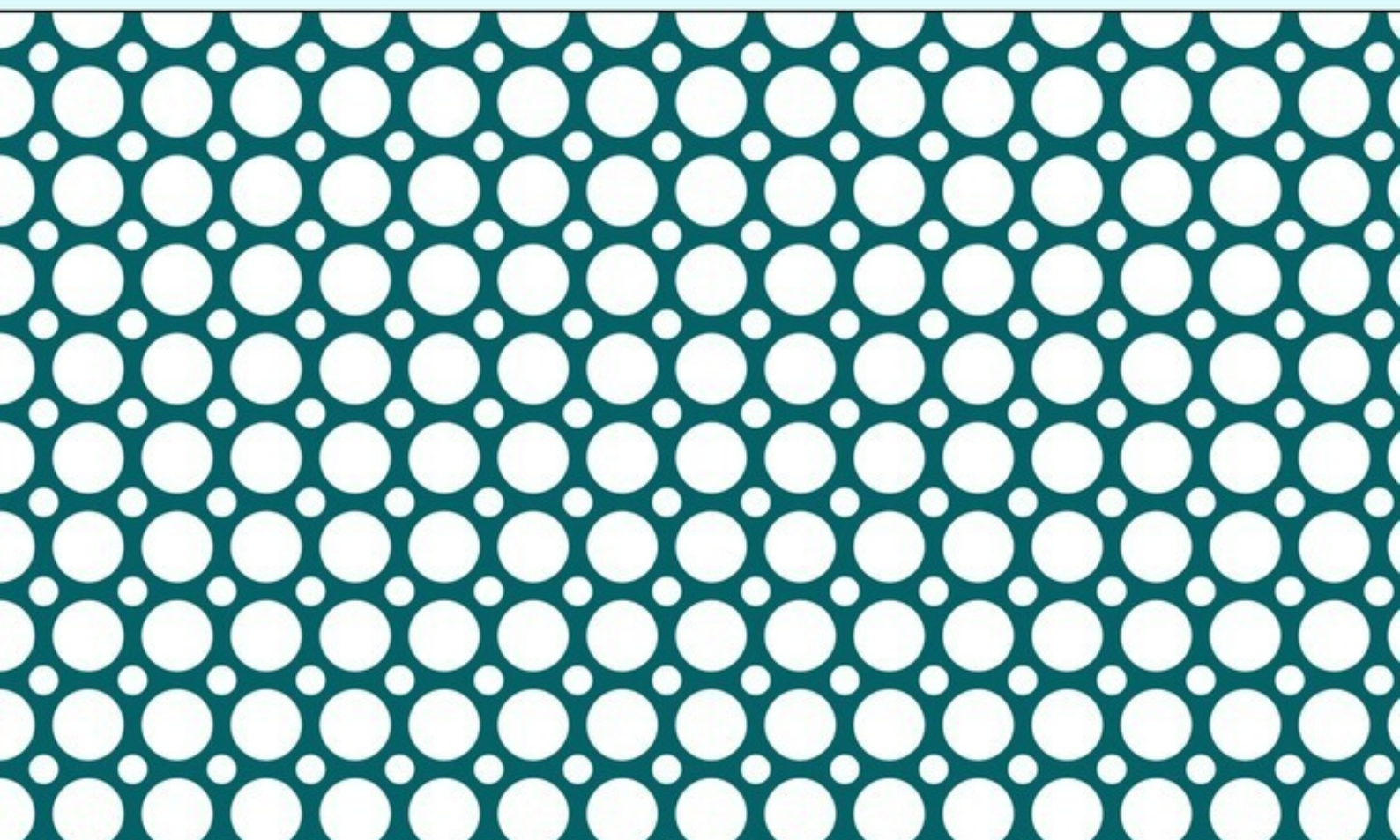

Василий Баранов

*Гадкий утенок.
Сборник
рассказов для
женщин.*

Василий Баранов

**Гадкий утенок. Сборник
рассказов для женщин**

«Издательские решения»

Баранов В.

Гадкий утенок. Сборник рассказов для женщин / В. Баранов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-905320-6

О чем рассказы? О любви. Не слезливой. Герои? Летчик-испытатель, что боится потерять жену. Проститутка поневоле. Убийца. Просто женщина, что хочет ребенка. И готова мужика затащить в кусты. Самоубийца, что убивает смерть. Нищий старик. Молодой калека, готовый покончить с собой. И тот, кто приходит в час смерти. Капитан и его Ассоль. Все это в одной книге. Надеюсь, разнообразие Вам понравится.

ISBN 978-5-44-905320-6

© Баранов В.
© Издательские решения

Содержание

Гадкий утенок	6
Знает долгая ночь	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

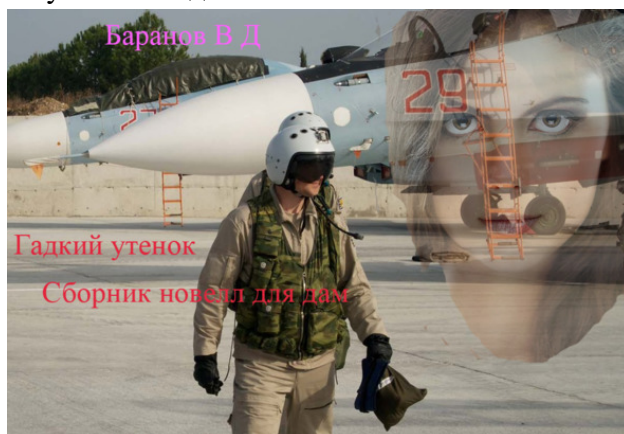
Гадкий утенок. Сборник рассказов для женщин

Василий Баранов

© Василий Баранов, 2018

ISBN 978-5-4490-5320-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Гадкий утенок

То взлет, то посадка, сплошные дожди. Сырая палатка и почты не жди.

Я летчик-испытатель. Звание капитан. Женат. Жена Алена. Сын в третьем классе учится. Когда я впервые увидел Алenu, то сразу понял, влюбился по самые уши. Не жить мне без нее. Не переживу потери этой женщины. С этого все и началось. Или началось все с маленькой невинной лжи. Мы еще не были женаты. Она знала, что я летчик. Просто летчик. Об испытательных полетах и речи у нас не было, не заходил разговор. Однажды Алена спросила:

– Костя, а летать это опасно? – Я и подумать не мог, как много будет значить в нашей жизни этот вопрос и мой ответ на него.

Мы шли по вечерней улице. Чудесное лето. Сколько раз после вспоминал я тот разговор. На Алene было сиреневое платье. Этот цвет ей очень идет. Темно-синяя сумочка, сиреневые туфли на низком каблуке. Высокий каблук она не носит. Она учитель в школе, целый день на ногах. На высоком тонком каблуке к концу дня на ногах не устоять. Так о чем я? Да, о том вечере.

– Нет, совсем не опасно. – Я рассмеялся. Для меня небо, как для птицы. Без него не могу. Меня еще в летной школе парни звали Гадким утенком. Это за мои выкрутасы в полете. Пару раз чуть не выгнали из летчиков. – Не опаснее, чем на машине ездить. Сколько народа гибнет на дорогах. В небе просторно. Там постараться надо, чтоб столкнуться. Ты, идя на работу, раз в десять рискуешь больше. Ногу подвернуть, собьют при переходе улицы. Или в ванной на мокром полу поскользнешься. Ты посмотри, сколько людей летает самолетами. Что спрашиваешь? Летать боишься?

– Нет, не боюсь, но опасуюсь. Не раз летала, а привыкнуть не могу. Я тут смотрела про наших летчиков фильм. Страшно. – Алена смотрела на меня и улыбалась.

Вы знаете, какая у нее улыбка? Не могу удержаться, хочу целовать эти губы.

– Киношники все выдумывают. Без этого зритель на фильм не пойдет. – Я рассмеялся.

– Я понимаю умом, просто кино. Я высоты боюсь сама. И никогда бы не смогла полюбить человека, рискующего жизнью каждый день. Всех этих десантников – парашютистов, летчиков испытателей. Как можно жить, провожаешь на работу любимого человека и не знаешь, вернется ли домой. Я вовсе не понимаю такой романтики. Целыми днями об этом думать. Бояться подойти к телефону, брать трубку и ждать, что чужой не знакомый голос скажет, ваш муж погиб. Услышать, он уже никогда не придет.

Вот так и появилась в нашей семье тайна, надеюсь единственная. Одна маленькая ложь. Я не сказал, что у меня такая работа, испытывать самолеты. Я не могу отказаться от неба, своей работы и от Алены. Я верил, она не узнает, что бывают сложные рискованные полеты. И проживем мы жизнь в покое. Я боюсь ее потерять. Я просто военный летчик. Тренировочные полеты, я в этом ее убедил, такие же безопасные, как полеты на гражданских самолетах. Сел, дернул за штурвал и взлетел. Никаких сложностей. Я даже не из «Стрижей» или «Русских витязей». Перевожу солдат, грузы военные. Транспортная авиация.

Как-то вечером жена спросила:

– Костя, когда у тебя будет свободное время. Все у тебя дежурства. А?

– А что ты хотела? – Я думал, надо за продуктами по магазинам съездить. Так мы часто ездим. Хотя я и не люблю суеты супермаркетов. В жизни есть вещи, которые не любишь, но делаешь. Мой механик не любит к теще на дачу ездить. Лопатой махать, грядки пропалывать. Он любит с удочкой у реки посидеть. Так на той даче всегда есть более важные дела. Говорил, купаться за сезон раза три сходят и только. На заброшенный карьер. Там все местные купаются.

– В театр бы сходить. Отдохнуть. Мы давно с тобой никуда не ходили. – Смотрит на меня с укором. Виноват, понимаю.

– Так в чем дело? Купи билеты, ходим. – Это она о гастролях какого-нибудь театра узнала. Она балет любит. А я язык танца не понимаю. Ну, прыгают они там здорово. Крутятся на ножке. И быстрой ножкой ножку бьет. Простите за тупость. Как в одной юмористической миниатюре говорилось: ей бы к ноге динамо машину приделать. Пусть электричество вырабатывает. Одна надежда, в драму или оперетту купит билеты.

Но разговор на этом не закончился.

– Четверть кончается. Лето скоро. – Продолжала Алена. – У тебя с отпуском что? Съездить бы, куда всей семьей. Втроем к морю. Ты что скажешь? У тебя отпуск вечно с нашими каникулами не совпадает.

– Алена, это не от меня зависит, а от руководства. Я военный человек.

– А ты попробуй. Попроси начальника своей части, объясни. У него тоже есть жена. Один разочек и отпустят. – Как ей объяснить, многое зависит от графика испытаний. Если испытание серийной машины, то тут от договора на поставку самолета все завязано. А если машина новая, ее только готовят к выпуску в серию, то могут всякие неожиданности быть. Я чаще на таких и летаю. Генеральный конструктор может не отпустить. Пилот должен знать новую машину, ее особенности. Для таких полетов быстрой замены не найдешь. Как раз новую машину выпускают. Мой начальник любит говорить:

– Это как роды ребенка. Тут от нас мало зависит. Ребенок на походе, а ты единственный акушер.

В нашем «родильном доме» сейчас роды идут. Кто меня отпустит.

– Я попытаюсь. – Надежды никакой, но про отпуск поговорю. Мне и самому хотелось уехать с сыном и женой на пару недель, уехать к морю.

Чуть позже мы уложили спать сына, и сами отправились спать. Алена обняла меня, прижалась ко мне. Я обнял ее. Прикоснулся к ее коже. К ее бедрам. Родное тепло, любимый запах. Вдыхал аромат ее волос. Ее поцелуи сводили с ума. После в темноте я смотрел на улыбку на лице любимой. Легко целовал ее грудь. После рождения сына ее груди стали более округлыми. Так удобно лежат они в моих руках. Ее прикрытые глаза и моя мечта, пусть эти мгновения длятся вечно.

За завтраком Сашка начал капризничать.

– Опять овсянка. – Причитал он. – Опять молоко.

Смотрел на меня хитрым взглядом. Так, вновь хочет, чтоб я поддержал его. Не выйдет.

– Саша, это очень полезно. – Алена устало улыбнулась. – Во всех медицинских книгах рекомендуют.

– Алена, придумала бы ты ему что-то другое. – Я, как это бывало не раз, сдался при виде несчастного лица сына. Не могу, он вьет из меня веревки. Воспитатель из меня не получается. – Творожок Данон, апельсиновый сок.

– Хорошо, хорошо, я подчиняюсь воле своих мужчин. – Что-то она быстро согласилась. Не к добру это. Так все и вышло. – Костя, ты не сможешь сегодня Сашу завести в школу.

– А ты обычно его уводишь. Что сегодня? – Сашка учится в другой школе, не там, где работает Алена. Но так, как у нее занятия начинаются позже, сына в школу провожает она.

– У меня с самого утра педсовет назначен.

От судьбы никуда не денешься. Придется внести посильную лепту в воспитание моего ребенка. Больше от меня все равно никакого толка. Первым делом, первым делом самолеты. Ну, а девушки? А девушки потом. Завезу Сашу в школу, после чуть сильнее буду давить на педаль газа. Успею.

– Саша, кушай быстрее. Опаздываем. – Строгий отцовский тон. – Живо едем в школу.

Как, похож на образцового отца? Нет? Так у меня получается. Эта роль мне не дается.

По дороге Сашка болтал без умолку.

– Гриднев за Маринкой сумку таскает. А Маринка ходит, как королева. И вовсе она не королева. Противная, ужас. Мария Николаевна вчера из кабинета директора выбежала со слезами. Сам видел. Сам видел! Директор ее в угол хотел поставить.

Какой же он ребенок. Отчего в детстве нам хочется быстрее вырасти, а став взрослыми мечтаем вернуться в детство. Сашку высадил возле школы и рванул в часть. Первым мне встретился Андрей, мой механик. Мы с ним вместе работаем несколько лет. Отличный парень. И механик, конечно великолепный.

– Как Андрей, синяя птица нынче взмахнет крыльями? – Птицей счастья мы называли каждый наш самолет.

– Нет. Майор сказал, нет. – Выражение досады на лице. – Колдуны опять с ней будут ворожить.

Колдунами он называл представителей завода и конструкторского бюро. Генеральный конструктор мужик гениальный. Так бывало уже. Самолет готов к испытаниям, а он вопреки всякому здравому смыслу задерживает ее. Чувствует, что-то не то. Даст сбой в полете. Аэродинамику самолета видит лучше всякого испытательного стенда. В прошлый раз меня предупредил. На кабрировании может сорваться. Кабрирование, это когда самолет резко уходит вверх. Так оно и вышло. Не прислушайся я к его словам, машину бы погубил и сам разбился. С трудом удержал самолет. Хотел свою удаль показать, но вовремя сдержался. На стенде все шло прекрасно. Как он понял, что при боковом ветре и резком наборе высоты занесет на крыло. При таком раскладе даже очень опытный пилот может оказаться бессилён.

– Что тогда сегодня делать? – Не хотелось сидеть на земле. Ждать и догонять самое противное.

– Ты, говорят, сегодня летишь на звере.

Зверь – транспортный самолет. Испытываем мы его целым экипажем. Так у нас заведено. Ребята хорошие. И дружим не первый год. С женой я их не знакомил. Объяснил, боюсь, они ненароком выдадут мой секрет. Ребята все поняли, посочувствовали. Все понимают. Самолет разбегаётся по взлетной полосе, небо летит на встречу. Обнимая небо крепкими руками, летчик набирает высоту. Я резко начал набор высоты. Целуемся с облаками. Где-то внизу земля. Мы встретимся с тобой земная твердь через пару часов. Закончится прогулка на небеса, вернемся, составим отчет. Зверь в воздухе вел себя хорошо. Мы его укротили. В первые полеты он так не слушался. На этот раз не захотел садиться.

– Костя, командир, шасси не выпускается. – Доложил второй пилот.

– Что? Второй раз попробуй. – Что там могло заклинить. Механизм выпуска шасси стандартный. Испытан не один раз. На старуху проруха. Все было в норме, а тут....

– Нет, Костя. Не идет. Заклинило. – Второй пилот тянул вверх рули высоты. – Что будем делать?

– Сожжем горючее. Все по инструкции. Запрашивай аварийную посадку. – Из-за пустяка машину губить. Явно сегодня не мой день.

Мы кружили над аэродромом. После пошли на встречу с полем. Что ж, будь пухом земля, распашем тебя. Принимай своих сыновей. Корпус ударился о землю. Мы начали резко тормозить. Черт, ремни безопасности я не закрепил. Меня выбросило из кресла. Мой лоб радостно встретился с приборной доской. Спасатели неслись к нам. В тот момент я не понимал, для меня наступили дни гнева богов. Просить безжалостных о помиловании поздно.

Я чуть было не опоздала на педсовет. Директор начал:

– Коллеги, я говорил вам, сегодня у нас комиссия из управления. Так что будьте внимательны, не ударьте в грязь лицом.

– К нам едет ревизор, – проговорил кто-то.

Директор строго посмотрел на говорящего. О, у директора это хорошо получается. Естественно, комиссия. У Матвеевой в Управлении есть подруга. Она нам и сообщила, что директор идет на повышение. Так, что комиссия, это не удивительно. И директор не хочет, чтобы нашли какие-нибудь недостатки. Когда директор закончил и ушел, мы еще обсуждали предстоящий день. Тут я решила спросить:

– Может кто-то знает, кто будет вместо Савельева?

– Ты, конечно, ты, дорогая. – Это Нора. Я не знаю, честно не знаю, почему она так ко мне относится. Ехидная улыбка на губах.

Что я ей сделала плохого. И я не выдержала.

– Что ж, приму это как должное. И уж постараюсь, чтобы кое-кто не портил атмосферу в нашем дружном коллективе.

Я вышла из учительской, громко хлопнув дверью. День тянулся долго. Все были на нервах. Я обрадовалась, когда прозвенел звонок моего последнего урока. Подхватила сумочку и отправилась забирать из школы сына. Сашка ждал меня уже во дворе школы. Мы двинулись домой. Он всю дорогу щебетал. Я была рассеянной, и какая-то внутренняя тревога не оставляла меня. Видимо, сказывались нервы этого дня. Наконец, я все-таки услышала сына.

– Мама, мам, а мы купим хлопья? – Просил Сашка.

– Конечно, дорогой, купим. – Вот так всегда. Опять начал клянчить. Зайдешь с ним в магазин или киоск, увидит, что на прилавке и это тоже будет просить купить.

– А сок? – Так, продолжается.

– Да, естественно, купим. – Не отвяжется, придется согласиться.

– А папе что купим? – Как же забыть любимого папочку.

– Ничего не купим. – Я решила отказать и держаться на этом.

– Почему? – Сын упрявился. Любит отца.

– Пусть кушает овсянку. – А что? Очень полезно.

– За что? – Саша почти обиделся на меня.

– За то, что он ее не любит. – Я рассмеялась.

Наконец мы добрались до дома. Я усадила Саню за уроки, а сама отправилась готовить ужин. Честно говоря, все валилось из рук. Я так и не могла сосредоточиться. Решила, приготовлю самое простое. Поставила вариться щи. Отварила макароны, чтобы приготовить макароны по-флотски, и присела на стул. Тревога не отпускала меня. Я пыталась справиться с собой, но не знаю, не знаю, что-то внутри не давало мне покоя. Вдруг раздался дверной звонок. Кто бы это мог быть? Для Кости рановато. Я пошла открывать дверь. Открыла. На пороге Костя. Я посмотрела на него.

– Боже, что это? – Его лоб был измазан йодом.

Костя бодро переступил порог.

– А это? Это Андрей, криворукий, уронил на меня гаечный ключ. Вот так и получилось. Выбежал сын встречать папочку.

– Папа, а что это у тебя? – Он показывал на лоб.

– Это? Это мы сегодня играли в индейцев. Чингачгук – большой змей.

Алена как-то странно смотрела на меня. Но у меня в голову не приходило никакого объяснения.

– Ну, знаешь, стоял я внизу, а Андрюшка подкручивал гайку. Ключ сорвался, упал. Вообще, я оказался не в том месте и не в то время. – Ну, как еще объясниться. Правду я сказать не мог.

Как я мог рассказать, заклинило шасси. Кружил над летным полем, пока не выжиг весь керосин. Жесткая посадка. И я лбом о приборную доску. Весь вечер я пытался отвлечь Алену от созерцания моего замечательного лба.

– Алена, щи у тебя сегодня удались. А макароны – просто объедение. А что у тебя в школе? Как педсовет прошел?

– Нормально. У нас проверяющие должны были приехать. – Она устало вздохнула.

– И приехали? – Кажется, удалось отвлечь Алену от моей персоны.

– Приехали. Все прошло очень удачно. А у тебя как прошел день? – Взгляд проникает в душу. Не проси, правду не скажу. Боюсь потерять вас. Тебя и сына.

– Очень хорошо. Вот если бы не Андрюшка, так все было бы замечательно. – Рассмеялся. Пытаюсь все свести к шутке.

Я мечтал только о том, чтобы этот день быстрее закончился, и внимание Алены переключилось на что-нибудь другое.

– Слушай, я виноват. – Боже, я только сейчас вспомнил о театре. Не до него мне было.

– А что случилось? – Алена убирала со стола.

– Не заехал в театр, не купил билеты. – Виновато вздыхаю. Хотя вины за собой не чувствую.

– Я так и знала. Так, что заранее купила билеты. – Она качает головой.

– Какая ты у нас умница. И что, когда мы идем? – Отвертеться от похода в театр не получится.

– Послезавтра. Ты не против? – Смотрит на меня.

– Нет. Не против. А что там будет? – Изображаю заинтересованность. Господи, только не балет.

– Премьера. – Премьера чего, она мне так и не сказала.

На следующий день удача решила меня побаловать, повернулась ко мне лицом. С утра я обратился к командиру, нашему майору.

– Товарищ майор, можно мне завтра уйти пораньше?

– Что-то случилось? – Не любит мой начальник, когда отпрашиваются.

– Да, жена купила билеты в театр.

– Вам бы капитан все развлекаться и развлекаться. В тот день, когда вся страна, весь народ... – Майор рассмеялся. – Ой, сам не первый год женат. Знаю, что это такое. Если, моя, что удумает, то все. Отправляйтесь, капитан, в свой театр. Иначе жена подрежет вам крылья.

Позволил мне удалиться. Второй счастливый момент ждал меня в столовой. Я заметил там Риту. Нашего кадровика. И поспешил подсесть к ней.

– Капитан, – улыбнулась Рита, – вы, наконец-то, решили обратить на меня внимание. Только боюсь, в корыстных целях.

Рита у нас догадливая. Умная. Умная и красивая. Опасное сочетание для женщины.

– Рита, должен признаться, да. – С ней лучше быть честным.

– Что ты хочешь? Давай, говори, не тяни. – Рита заканчивала обед.

– У меня отпуск в ноябре. А у жены летом. Мы давно семьей никуда вместе не ездили. Можно перенести? – Я с мольбой смотрю на нее.

– Не знаю, не знаю. Надо подумать. – Набивает себе цену.

– Рита, я сделаю для тебя все, что ты хочешь. – Легкомысленное обещание. Этим я загнал себя в ловушку.

– Все? – Испытующе смотрит на меня.

– Ну, конечно, Рита, – Коготок увяз, всей птичке пропасть.

– Так, что я хочу? Поход в ресторан. – Дело сдвинулось.

– Хорошо. – Глупо не согласиться.

– Нет, вначале обед в кафе. Это будет проверкой. – Задача усложняется. Но это приемлемо.

– Проверкой чего? – Я чуть удивлен.

– Достоин ли ты вести меня в ресторан. – Рита коварно улыбается.

– Ладно, как скажешь. – Ох, эти женщины. Непредсказуемы.

– А потом мы пойдем в ресторан, если ты достоин. – Опять улыбка.

– А что так? – Вот, зараза, бывают такие бабы.

– Я купила новое платье, а пойти в нем некуда, да и не с кем. Своего я выгнала к чертям собачьим, вот платье и висит в шкафу. Хотелось бы куда-нибудь сходить в нем. – Призналась Рита.

– А ты бы в нем сюда пришла. – Кто ей запретит. Женщина и кадры ей подчиняются.

– Ты что, капитан, с ума сошел. Ты представляешь меня в вечернем платье на летном поле? – Отпила кофе. Рассмеялась.

– Представляю. Ни один самолет в этот день не взлетит. Парни все будут сидеть на земле, и глазеть на тебя. – Кажется, не плохой получился комплимент.

– Вот именно. Вот именно. У меня вся надежда на тебя, Костя.

– А у меня вся надежда на тебя, Рита. А то моя тоже меня выгонит ко всем чертям собачьим. – Я рассмеялся, хотя было не до смеха.

– Хотела бы я посмотреть на ту женщину, которая такого мужика, как ты, выгнала к чертям собачьим. – Вот, получил ответный комплимент.

– Но ты- то своего выгнала.

– Ну и что. Выгнать то выгнала, а ведь знаю, что прощу. Что приму обратно. Вот так, капитан. Дуры мы, бабы. – Рита встала, пошла к выходу. Оглянулась.

– Я посмотрю, капитан, что можно сделать. На днях скажу. Ладно?

– Договорились.

Вот так, удача иногда улыбается нам.

В день, когда мы пошли в театр, я купил цветы. Преподнес их Алене. Она была счастлива, как ребенок. Мы смотрели Кассоне «Деревья умирают стоя». Это был обворожительный вечер. Просто чудо. Но это было и началом черной полосы.

В субботу мы отвели Сашу в школу, и пошли с Аленой по магазинам. Я не люблю шляться по магазинам. Попутно мы зашли в несколько туристических агентств. Прихватили каталоги. Решили дома в свободную минутку выбрать, куда отправится в отпуск. Купили Сашке роликовые коньки. Потом Алена мне говорит:

– Ты забереешь Сашу из школы. А я бы к девчонкам смоталась.

– Ладно. – Что теперь делать.

Я занес домой сумки. Забрал Сашку из школы. Мы пришли домой, и я попытался усадить его за уроки.

– Папа, может, я завтра сделаю уроки. – Так всегда. Думаю, это свойственно всем детям.

– Завтра у тебя будет целый день свободен, если сегодня сделаешь уроки. И мы с тобой пойдем кататься на роликовых коньках.

Пытаюсь подкупить Сашку.

– Смотри, какие мы с мамой купили коньки. – Я достал их и отдал.

Этот довод немного подействовал на моего сына. Как ему объяснить... Я, конечно, понимаю, что завтрашний день это все равно, что журавль в небе. Отдыхать сегодня – синица, но в руках. И пускай только снится ничего не суля, выпускаю синицу и ловлю журавля. Пока Саня делал уроки, я маялся бездельем. Мой взгляд наткнулся на фотоальбом. Я решил его полистать. Давненько не открывал. Мы его вместе с Аленой составляли. На первой странице она. В первых классах, вот постарше, а вот в институте. Ничего девчушка. Если б я был знаком с ней в школе, то таскал бы ее портфель. А вот это я. Так же с первых классов. И вот постарше. Ну и рожа. Прыщавая. Переходный возраст. Вот уж точно, гадкий утенок. Вот я в летном училище. Переходный возраст ушел, с ним ушли прыщи. Гадкий утенок тоже ушел, но не стал прекрасным лебедем. Морда не самая отвратная. Зачем так себя хаять. Я так и так повернул фотографию. Вроде ничего, сносно. А это что? Наши свадебные фотографии. Отличная пара.

Даже я смотрю на фоне Алены. А это? Господи, это же Сашка. В колыбели, бутуз ты мой. Надо же. От фотографий меня отвлек Саня.

– Папа. У меня тут это, задача не решается.

Пришлось поставить альбом на место и идти, помогать сыну, покорять вершины наук.

Алена вернулась домой, когда мы еще боролись со школьными задачами.

– Ну, что, как провела время? – Я спросил, оторвавшись от решения школьных задач.

– Ой, отлично.

– Что делали? – Пусть отчитается перед мужем.

– Сидели, болтали. – Алена развела руками.

– Значит, мужьям перемывали кости. – А что еще могут делать женщины, собравшись вместе?

– Да нужно нам. Только бы о вас и говорили.

– Не нам, так любовникам перемывали кости. – Пошутил я.

– Какие гадости ты говоришь, Костя. Это вы, мужики, как только встретитесь, все о бабах и о бабах. У нас есть другие интересы. Мы о разном говорим. Как и что сшить. Приготовить. Ой, я побежала на кухню. А то вы у меня останетесь голодными.

В воскресенье, как я и обещал, мы с Сашей пошли учиться кататься на роликовых коньках. Я люблю воскресенье. Это день, когда я ем, ем и ем. Который раз захожу на кухню.

– Алена, а у нас что-нибудь пожевать есть? – Этот вопрос я задаю уже третий раз. Еще четыре часа вечера, а снова на кухне.

– Слушай, может, ты перестанешь постоянно жевать.

– Алена, ты помнишь, что произошло, когда цыган отучал лошадь есть? Она копыта отбросила.

– Вот и отбрось копыта, Костик. – Вот, получил.

– Нет, копыта я отброшу попозже. Ближе к ночи на кровати. С томиком Гарднера, допустим.

– А я, честно, сейчас бы возле плиты отбросила копыта. – Призналась Алена.

– Ладно, иди, отдыхай. Я сам что-нибудь в холодильнике найду. – Пусть, действительно, отдохнет.

– Господи, сделаю я тебе что-нибудь сейчас. Сделаю. Приготовлю. Нагрузка ты моя выходного дня.

– Вот, обузой обозвали. – Шутливо обижаюсь.

– Так ведь не чемоданом без ручки. И не обузой, а нагрузкой. Разницу улавливаешь? – Училка. И мужа поучает.

– Нет. Я не разбираюсь в ваших тонкостях.

– И не надо.

Вот так мы провели выходные дни.

Понедельник. Ой! Я чуть было не проспал. Соскочил и рванул в любимую родную воинскую часть. С утра меня вызвал майор.

– Капитан, тебе важное задание. Сейчас возьмешь четырех пассажиров и доставишь их вот сюда. – Майор показал мне пункт на карте. – Тут пара часов лета. Доберешься, подождешь их. Вернешься сюда. Постарайся не позднее четырех часов. Ровно в шестнадцать часов. По прибытии ты должен полностью забыть об этом рейсе. Понятно?

Мне было приказано, когда стану возвращаться назад, держать связь лично с ним. Все это было на контроле у высокого начальства. Я пошел грузиться в самолет. Там уже крутился Андрей.

– Привет, Костя. – Куда бы я без него, своего механика. Ему лет сорок. Крепкий мужик. И друг.

– Привет, Андрюша. – В ответ улыбка.

– Что, тренировочный полет? – Мой механик хочет знать, отчего я сегодня лечу на стандартной машине.

– Да, тренировка. – Даже другу не стоит все говорить.

– И куда это ты собрался «тренироваться»? – Любопытный черт.

– Андрей, это Четырех мужиков надо свозить на рыбалку. – Вру. А что делать?

– Ага, на рыбалку. Без удочек.

– Ну, да, на рыбалку. Начальство любит то оленей пострелять, то еще чего. А нам головная боль.

– Темнило ты, Костя.

– Да я так....

Через полчаса подъехала машина. Выгрузились четыре мужика. Я встретил их у трапа. Поздоровался. Они хмуро ответили мне: здравствуйте. Мы поднялись в самолет и взлетели. Не знаю, что делали мои пассажиры в салоне. Дверь была закрыта. Обычно в полете два летчика, но в этот раз я вел машину один. Майор настаивал: не надо большой огласки. По хмурым лицам пассажиров я понял, это так. Я даже был рад, что дверка кабины отгораживает меня от этой хмурой четверки. Через два часа мы приземлились в аэропорту назначения. Подъехала машина, чтобы забрать этих мужиков. Один из них, видимо старший, сказал:

– Командир, жди нас здесь. Никуда не отлучаться. А вот этот, – из машины вышел еще один хмурый товарищ, – будет всегда с тобой, чтобы знать, где ты. Когда будем подъезжать обратно, позвоним ему. Что б вы были готовы к вылету. Все понятно?

– Понятно.

Четверка уехала. Хмурый мужик, оставшийся со мной, смотрел на меня, как бы спрашивая, чего делать то будем.

– Я бы пошел выпить кофе. А ты? – Предложил я своему сопровождающему.

– Пойдем. – Хоть бы мускул на лице дрогнул.

– А тебя как зовут? – Спрашиваю я.

– Называй Николаем. – Имя явно выдуманное. Ну, и пусть.

– А я – Костя.

По пути я купил газету. Чтобы не скучать. Мы зашли в кафетерий. Сели за столик. Я заказал кофе. Решил попытаться поболтать с этим Николаем.

– Николай, а до города здесь далеко?

– А зачем тебе до города? – Николай напрягся.

– Да не надо мне в город. Я просто так, завязать разговор. Узнать. Может, что интересное в вашем городе есть.

– У меня характер такой молчаливый. И фамилия у меня Молчанов. Подстать характеру. – Фамилию выдумал или все же настоящая.

– А.... А моя фамилия – Скворцов.

– Ясно. Только ты меньше чирикай обо всем этом. – И что они постоянно предупреждают о секретности.

– Скворцы обычно поют по весне. О любви. О другом мы не поем. Не чирикаем. И потом, знаешь, Николай Молчанов, командир послал меня, зная, что у меня есть одна болезнь.

– Какая?

– Амнезией страдаю. Иногда, вот так вспомнить ничего не могу. Очень полезная болезнь. – Надеюсь, теперь эти товарищи успокоятся.

– Болезнь неплохая. – Согласился Молчанов. Усмехнулся.

Мы недолго с ним разговаривали. Николай все больше молчал. Пили кофе, гуляли возле аэропорта. Я понял, что под охраной. Надежной охраной. Николай сопровождал меня даже в туалет. Было впечатление, что я – арестант. Несколько неприятное ощущение. Время близилось к двум часам, а моих пассажиров все еще не было. Откровенно говоря, я начал нервни-

чать. Я помнил приказ майора прибыть в шестнадцать ноль ноль. Наконец, зазвенел сотовый моего молчуна, и мы отправились к самолету. Вскоре подъехала машина. Мои хмурые пассажиры вышли. С ними был пятый. Не скажу, что он был более веселым. Тем более, что его рожу украшал великолепный фонарь. Мы поднялись на борт. Я убрал трап. Запросил у диспетчера разрешения на взлет. Диспетчер сказал:

– Командир, там впереди грозовой фронт.

– Мне все равно, надо лететь.

– Хорошо. Под твою ответственность. Разрешаю взлет.

Мы вылетели. Я соединился с майором. Сказал, что вылетели. Описал обстановку: впереди грозовой фронт.

– Майор, может быть, я обойду этот фронт?

– Ты не успеешь, Костя.

– Хорошо, майор. Я попытаюсь прорваться.

Я открыл дверь в салон и объяснил мужикам обстановку.

Те посмотрели на меня. Старший говорит:

– Что ж, летим командир.

Мы шли в сторону грозы. Минут через сорок я увидел этот грозовой фронт. Сверкали молнии. Нас начало трясти. Старший из моих пассажиров вошел в кабину. Он смотрел на эти молнии и молчал. После спросил:

– Что будем делать? – До мужиков стало доходить вся серьезность обстоятельств. Поняли, чем рискуют.

– Попробуем прорваться. Подняться выше. А если не получится, господа хорошие, не обессудьте. Попытаюсь набрать высоту, если машина выдержит. Займите свое место. Пристегните ремни.

Я понимал, на такой высоте машина может оказаться неуправляемой. Мы можем сорваться в штопор. Двигатели надсадно ревели. Самолет болтало из стороны в сторону. Но забраться выше облаков мне не удалось. Сплошная облачность. Я время от времени оглядывался на своих пассажиров. Дверь кабины осталась открытой. Хмурые ребята еще как то держались. А пятый, с фонарем... Его постоянно тошнило. Это и понятно, при такой болтанке. Я уговаривал машину:

– Давай, мы с тобой преодолеем это.

Мы вышли из грозы. Но нас изрядно потрепало. И топлива было в обрез.

– Давай, родная, еще немного. Дотянем. Ты же не подведешь меня, птичка моя. Не подводи, – уговаривал я самолет. – Еще чуть, чуть. Мы дотянем до посадочной полосы.

Я даже не заметил, что командир моих хмурых пассажиров снова стоит у меня за спиной. Показалась посадочная полоса нашего аэродрома.

– Сейчас мы сядем. Тебе дадут зернышек. Отдохнешь, моя птичка. Мы летели. Не знаю, на чем мы летели. По показаниям приборов топливо у нас кончилось. Шасси моей птички коснулось земли. Тут я услышал голос старшего из хмурых:

– А ты молодец, командир. Спасибо за полет.

– Не за что.

Я был полностью измотан. Уронил голову на штурвал и прошептал:

– Это ты у нас молодец, пташка моя.

Потом поднялся и пошел опускать трап. Мои пассажиры вышли. Я следом за ними. Пошел доложить майору о полете.

– Как прошел полет, капитан?

– В штатном режиме, товарищ майор. – А что еще я мог сказать?

– Чувствую, в штатном режиме. Молодец, Костя. Садись.

Я присел.

– Ну, что коньяка плеснуть?

– Нет. Меня и без него из стороны в сторону болтает.

– Представляю. Сейчас езжай домой. Отдохни. Завтра можешь немного опоздать. Иди. Я вышел. Да, разрешение немного опоздать от нашего майора, это все равно, что получить орден боевого красного знамени. Тут появился Андрей.

– Костя, привет. Мы следили за вашим полетом. Ты молодец, Костя. Вот, держи. – Он протянул мне ящичек. – Это дрель. Если что подремонтировать. Пригодится. Дарю.

Я уставился на Андрея. У него выпросить что-то из инструментов хоть на день просто невозможно. А тут, дарит.

– От сердца что ли, Андрюша, отрываешь?

– Ничего не отрываю. Не хочешь, не надо. – Андрей надулся.

– Ладно, Андрей, спасибо большое.

– Бери, – Андрей улыбнулся.

Я взял дрель и поехал домой. Этот утомительный день для меня почти закончился.

Придя домой, я похвастался Алене дрелью.

– Это мне Андрей подарил. В качестве компенсации за гаечный ключ. – Сам мысленно себя похвалил, надо же какой я хитрый. Гадкий утенок.

– Клади свою дрель. Переодевайся, мой руки, и за стол. Я сегодня твой любимый суп из баранины сварила. И котлетки.

Я сел за стол. Но честно, я так устал, что еле пытался есть. Алена сидела напротив меня. Смотрела.

– Что-то случилось, Костя? Ты плохо ешь.

– Так. Просто устал. – Я чудом вышел из грозового фронта. Чуть измени курс, и Алена осталась бы вдовой. Сын сиротой.

– Трудный день был? – Чего спрашивает, и так видит.

– Обычный штатный день. Полетали немного. – Святая ложь.

– Что-то по тебе не видно, просто полетали. – Хмурится.

Поковырял котлету и отправился спать.

На следующий день в часть я явился без опоздания. Полдня обычной рутинной работы. В обед меня вызвал майор.

– Капитан, сегодня можешь ехать домой. Отдыхать. А завтра начнешь учить летать нашу «Синюю птичку».

Ура, – подумал я, – наконец-то свершилось.

– Есть, – ответил я.

Позвонил Алене, что я заберу Сашу из школы. Я сегодня рано возвращаюсь. Поехал домой. Алене сказал, можешь не торопиться, все будет в порядке. Забрал Сашку. Шли с ним домой отдыхать.

Это здорово, получить немного свободного времени. Я не торопилась домой. Это как-то меня расслабило. По дороге я присела на скамейку, прикрыла глаза и подставила лицо яркому солнцу. Не знаю, сколько я так просидела, как услышала:

– Аленка, ты что ли?!

Открываю глаза, Федька. Ну, Федор. Мой одноклассник. Мы после школы не виделись несколько лет. Его родители разошлись. Мать уехала в другой город и увезла его с собой. Он не приезжал на наши встречи одноклассников. А тут вдруг объявился. Он подсел ко мне, и мы начали вспоминать наши школьные годы. Рассказывать, как жили эти годы. Я поведала ему то, что знаю об наших одноклассниках. Вот так, время быстро пробежало. Я посмотрела на часы.

– Ой, Феденька, я опаздываю. Мои мужики останутся сегодня без ужина.

– Алена, давай, я тебя подвезу. Быстрее будет.

Кто ж отказывается от таких предложений. Я села в машину, и мы поехали ко мне домой. По дороге мы болтали, смеялись. Когда машина остановилась возле моего подъезда, я выскочила из машины и побежала к подъезду. Федька меня окликнул:

– Алена, а телефончик?

– Ой, что же это я. – Я вернулась к машине. Наклонилась к окну водителя. – Давай блокнот, напишу.

Быстро написала номер своего сотового телефона. Федя дал мне свою визитную карточку. Мы обменялись телефонами. Я снова направилась к своему подъезду. Машина не отъезжала. Я обернулась. Смотрю, Федя еще стоит на месте. Я махнула ему рукой, послала воздушный поцелуй, развернулась и побежала домой.

Я стоял на балконе и курил, ожидая, когда придет наша мама. К подъезду подошла машина. Смотрю, из нее выпорхнула знакомая фигура. Вот, приехала наша мама. Но мама вдруг развернулась, вернулась к машине. Наклонилась к водителю. Так, теплое прощание. Это уже интересно. Потом она пошла обратно. Развернулась, махнула рукой, послала воздушный поцелуй. Физического, значит, уже мало, решил я. Оказывается, у нас в семье есть еще одна тайна. Меня охватила злость, ревность. Но я сдержал себя. Я ничего спрашивать не буду. Пусть будет так. Я промолчу. Я принял твердое решение. Внутри все кипело. Алена вошла в квартиру. Веселая, счастливая.

– Как провела время? – Глупый вопрос. В постели с мужиком. Чужим. Новые впечатления. Потрясающе! С волшебником в постели. Наскучил муж. Какая развлекуха!

– Ой, замечательно. Спасибо, что забрал Саню. Я сейчас что-нибудь приготовлю.

Она даже не обратила внимания на мой хмурый вид. Весь вечер молчал, пытался сдерживать себя. Мы легли спать. Я сразу же отвернулся от Алены. Не хочу женщину из объятий другого мужчины. Не нищий, есть объедки с чужого стола. Она пыталась прикоснуться к моему плечу. Я стряхнул ее руку.

– Отстань.

– Ну, хорошо. – Растерянно ответила Алена.

Всю ночь я не мог уснуть. Я боролся с собой. Мне рисовались самые ужасные картины. Алена в объятиях другого мужчины. Я пытался убедить себя, все это не так. Все это – дурной сон. Этого не может быть, потому что быть не может. В половине шестого я просто не выдержал. Я встал, начал одеваться. Алена проснулась.

– Ты куда, Костя?

– На работу, – буркнул я.

– Я тебе сейчас чай поставлю.

– Да спи уж. Я сам.

Естественно, никакого чая я не пил. Я оделся, выскочил на площадку. Спустился на пол пролёта вниз. Остановился. Ударил кулаком по стене. Прижался к стене лбом. Застонал. Мне было невыносимо больно. Все. Все! Это случилось.

«Кончай. Кончай переживать, грязная утка! Работать пора». Сел в машину и рванул с места. Хорошо, что в этот ранний час нет гаишников. Уж они-то меня тормознули. Со скрипом колес об асфальт я остановился возле нашей части. Заглушил двигатель и пошел переодеваться, готовиться к полету. Какой денек. Я пытался взять себя в руки. И это мне почти удалось. Перед вылетом подошел майор.

– Что, капитан, готов нашу «Синюю птичку» учить летать?

– Так точно, готов. – А в голове одно: изменила. Тупая боль в висках и сердце. Высота. Рухнуть с этой высоты. Высоты моей любви. И она будет свободна для новой любви, нового чувства. Надо, парень, надо. Если ты любишь ее. Сын. Это удержало меня.

– Ты смотри, Костя, без выкрутасов. Надо просто посмотреть, как она взлетает, немного продержаться в небе. Без всяких выкрутасов. Потом доложишь. – Ах, командир! Что тебе до моей боли.

Я сел в самолет. Разбежался по взлетной полосе и пошел в небо. Птичка, смотри какое небо. Я научу тебя летать. Мы с тобой покорим его. Ты и я. Мы одолеем все. Я летел и тихо разговаривал со своей «Синей птичкой». В какой-то момент мне показалось, что машина отозвалась. Ответила мне. Это было радостное чувство полета, полного контакта. В эти минуты, когда я был в небе, я забыл о боли, которая жила в моем сердце. Мы приземлились. Я пошел к майору. Сообщил, что машина в порядке. Ведет себя в небе хорошо. После пошел к Рите.

Совместный отпуск для меня был более актуальным. У меня оставалась смутная надежда, что я увезу жену в отпуск, и она забудет своего ухажера. Рита сказала, пока все в работе. Ничего утешительного. Как только что-то будет ясно, она мне сразу позвонит. Я был свободен и мог ехать домой. Но я не поехал сразу домой. Просто не мог. Я остановился возле тротуара. Сидел, обняв руль руками. Пытался ни о чем не думать. Еще недавно, полет на «Синей птичке» был бы для меня праздником. А сейчас меня ничего не радовало. Наступил час, когда надо возвращаться домой. Я вернулся. Мне не пришлось объяснять жене, отчего мое лицо сияет, что за радостное событие произошло. Мое лицо не сияло. Я что-то бурчал в ответ на ее вопросы. Пытался отгородиться от нее. После ужина я сел к телевизору. Может быть, этот ящик отвлечет меня от забот. Алена мыла посуду. Тут раздался звонок. Я взял свой сотовый. Это была Рита.

– Рита? Что?

– Костя, почти все удалось. Я подготовила документы. Завтра подойдешь, подпишешь, и попытаемся провести приказом. Только своей пока не говори. Я суеверная.

– Вообще, я тоже суеверный. Глядишь, у нас все получится. Риточка, золотко, – это была единственная сегодня радостная весть, – это же замечательно. Обязательно завтра прибегу к тебе. Целую, до встречи, родная.

Положил трубку.

Я мыла посуду. Струя была не сильная. Дверь кухни открыта. И я услышала этот разговор. Риточка. Целую. У меня тарелка чуть не выпала из рук. Вот его задержки. Вечные полеты. Полеты с Ритой в постели. Вот, они мужики. Все они такие, а я не верила. Кобелины проклятые. Хотелось плакать. Но я сдержалась. Я вытерла тарелки. Сказала, что пойду, искупаюсь. Закрылась в ванной, пустила воду и, сидя на краю ванной, начала горько плакать. Дожила. Костя завел другую. Лучше. Возможно. Моложе. Вот, причина его занятости. Вечно занят, вечно на работе. Так оно и бывает в жизни, думалось мне. Я теперь ему не нужна. Легла в постель, отвернувшись от Кости, охваченная своими горькими мыслями.

Я лег. Надо хоть немного поспать. Отвернулся от Алены. Пытался уснуть. Прислушался к ее тяжелому дыханию. Да, наверное, спит и видит, как этот ее обнимает. Вот и дышит так. Приступ страсти. Недаром говорят, пока женщина с печи падает, она семь раз мужика обманет. Эта уже успела, обманула меня с другим. Так-то, парень.

Утром я заскочил в отдел кадров, подписал бумаги. А Ритка мне напомнила:

– Я выполнила свою часть уговора. Теперь твоя очередь.

– Ладно, когда?

– Завтра днем. Я отпрошусь у майора. Ты у своих. Съездим в кафе, а после решим с рестораном.

– Идет.

Так мы и сделали. На следующий день я сказал, что мне надо зайти к сыну в школу. Я отлучусь на пару часов. И мы с Ритой поехали. Вначале заехали к Рите, она переделалась. Мы выбрали небольшое уютное кафе. Уютный столик у окна. Я слушал Риту. Она рассказывала мне о своих непростых отношениях с мужем. О том, о сем. Иногда она горячилась, иногда

улыбалась, шутила. Я слушал и не прерывал ее. Может, в ее истории искал часть своей истории. Мы были увлечены. Сидели так около часа. Потом вернулись в часть.

Я шла по улице, опустив голову. Думала о том, что у Кости появилась Риточка. Такая она, жизнь. Смотрела в витрины магазинов. Бесцельно, только отвлечься от горьких мыслей. И тут я увидела. Там, в кафе, сидел Костя с женщиной. Сердце ударило в груди. Это Рита. Они о чем-то горячо разговаривали. Смеялись. Спорили. В первый момент я хотела войти в кафе и оттащить эту Риту за волосы. Потом решила, не стану унижаться. Я убежала. Смотри, дура, своими глазами увидела. А ты пыталась не верить. Вот они, задержки на работе. Для меня нет времени, а для Риты всегда, пожалуйста. Тебе, Алена, достаются объедки с чужого стола. Нельзя мужикам верить.

Я вернулся домой в гнетущую атмосферу. Между нами висела стена отчуждения. Даже Саша почувствовал, что что-то неладно в доме. Пытался нас разговорить, развеселить. Но напрасно.

Следующим вечером я задержался. Мы ходили с Ритой в ресторан. Платье у нее было потрясающее.

– Ты права, в таком наряде на взлетную полосу не явишься.

– А я что тебе говорила. – Длинная юбка, оголенные плечи, локоны волос.

– А что там у тебя с твоим? – Она любит своего мужика. В этом я уверен.

– Ничего хорошего. Я пока не решила. Нет, решила, но пусть немного помучается. Пусть это будет для него уроком.

Мы танцевали. Выпили по бокалу шампанского. Просто болтали. И о наших сослуживцах. Мелкие сплетни и уколы. Было весело. Отвез Риту домой, поехал к себе. Этот вечер мне помог отвлечься от своих переживаний. Мы больше решали проблемы Риты. Дома ничего к лучшему не изменилось. Мы так же угрюмо смотрели друг на друга. По большей части старались друг друга избегать. Было просто невыносимо. Я решил соврать.

– У нас в части учения. Я буду на службе. Вы не скучайте тут без меня. – Я просто трусливо сбежал. В выходные сидел в части, ожидал, не зная чего.

Костя пришел поздно вечером. Опять задержался на работе. На этот раз от него пахло не бензином, а духами. Дорогими женскими духами. Еще одно подтверждение моих догадок. Какие догадки, это не было догадками. Это была полная уверенность. Я все поняла. А теперь еще эти учения. Учения с Ритой. Поедут куда-нибудь на выходные. Подальше от постылой жены. На следующий день я позвонила Ольге, своей лучшей подруге. Обрисовала ситуацию.

– Оля, выручай. Мне надо уйти от него, а куда не знаю. К маме не хочу. Можно, мы с Сашей поживем какое-то время у тебя?

– Конечно, у меня квартира пустует. Мы с мужем в коттедже живем. Вот и разместитесь здесь.

– Можно?

– Всегда рада тебе помочь.

– Только, Оля, ты никому не говори, что я у тебя. Я не хочу, чтобы он меня нашел. Даже если будет искать. Хотя, вряд ли.

– Ладно, ты не расстраивайся. Аленка, все образуется.

– Спасибо, Оля.

На следующий день мы с Сашей переехали в квартиру Ольги. Я спряталась там от своей боли. От своей тоски. Саша пытался узнать, что случилось. Не знала, что сказать. Потом решила.

– Сашенька, милый, пойми, мы не нужны больше папе. Не нужны.

Он смотрел на меня, широко раскрыв глаза. С выражением ужаса на лице.

– Ничего, мы с тобой вдвоем. Нам будет хорошо. Правда, Саша?

– Да, мама.

Я вернулся домой в понедельник вечером. Звонил в дверь, но никто не открыл. Пришлось искать ключи. Куда это они ушли? Прошел в комнату. На столе на видном месте записка.

«Я ушла навсегда. Не ищи нас. Алена». В глазах потемнело. Я опустил на стул. Так, он все-таки опередил меня. Увел от меня. Что ж. Прилетел прекрасный белый лебедь и увел от гадкого утенка. Как мне теперь с этим жить? Как? У меня осталось еще небо. Как-нибудь. Будем летать. Летать, летать. И потянулись мои дни. И ночи. Ночи, когда я ложился спать. А рядом лежало безмолвное одиночество. Безмолвная тоска. Только она заполняла мои ночи. Вначале я пытался звонить подругам. Маме Алены. Потом решил, это все напрасно. Учебный год закончен. В школе я ее не мог найти. Она не хочет видеть меня. У нее сейчас медовый месяц. Пусть. Пусть, твердил я себе. У меня были полеты. Но все видели, со мной творится что-то не то. Если раньше я на Андрея никогда не кричал, то сейчас постоянно срывался. И на «Синюю птичку» срывался. Ругал, бранил. Бил кулаком по приборной доске. Не знаю, как жить дальше.

Однажды Андрей спросил:

– Костя, что происходит. Ты сам не свой.

– Отвяжись! Ходите тут! Надо думать о полетах, а вы занимаетесь, черт знает чем!

– Костя, ты чего? Я хотел.....

– Вот и хоти дальше!

Моими спутниками стали отчаяние. Ревность. Тоска. Временами я хотела позвонить ему. Потом отказывалась от этой мысли. Снова хотела позвонить, но как представляю, что он берет трубку, обнимая свою Ритку, отвечает мне сухим чужим голосом. Не буду звонить. Позвоню. Не стоит звонить. Так и металась. Это были кошмарные дни. Мои нервы были на пределе. Иногда заезжала Ольга. И я горько плакалась ей в жилетку. Она пыталась меня успокоить, но покой так и не приходил. Жизнь для меня закончилась.

Наступил день полномасштабных испытаний. Мы взлетели. Начался большой полет.

– Птичка, покажем, как мы научились летать.

– Попробуем, – откликнулась птичка. И мы летали.

Потом птичка сказала:

– А ты ведь не любишь меня, Костя.

– Люблю. Что ты, птичка?

– Не любишь. По крайней мере, так, как я люблю тебя.

– Птичка, ты у меня единственная. Ты моя лебединая песня. – Говорят, лебеди однолюбы.

– Ты любишь ее, а не меня. У меня в сердце незаживающая рана.

– Тебя подлечат.

– Уже поздно. – Машина перестала слушаться меня.

Я не знал, что делать.

– Ну, давай. Давай, родная. Еще немного, у нас все получится.

– Костя, я погибаю. Прыгай! Оставь меня.

– Нет. Нет, птичка. Я с тобой до конца.

– Прыгай, я тебе говорю.

– Нет.

– Костя, ты должен. Ты должен остаться жить. Это моя доля, а не твоя.

– У нас с тобой общая доля.

– Костик, сейчас я дотяну до деревьев. Удар о них может смягчить наше падение. Я хочу, что б ты жил.

Последнее, что я помню, скрежет ломающихся крыльев. В себя я пришел уже в больнице. Не знаю, сколько я пробыл без сознания. Наконец, я открыл глаза. Попытался осмотреться по сторонам, почувствовать ноги, руки. Вроде, все на месте. Появился доктор.

– Как себя чувствуете, больной?

– Спасибо, доктор. Кое-как.

– Ничего. Мы вас тут немного заштопали. Теперь вы поправитесь. Все будет хорошо.

– Доктор, а я смогу летать?

Доктор почесал голову.

– Вообще-то я бы не стал вас выпускать в небо.

– Почему?

– Нечего там делать шальным мальчишкам.

– Я не шальной, доктор. Я просто не могу не летать.

– Сможешь. Сможешь. Только если еще раз попадешь в мои руки. Я разрежу тебя скальпелем на куски. Понял? – Доктор повернулся и пошел из палаты. Оглянулся. – Хотя я и сейчас тебя неплохо покромсал. Лежи, поправляйся.

И вышел. Я был счастлив. Небо не отняли у меня.

Я сидела в кресле, когда раздался звонок. Взяла трубку.

– Алена? Алена Скворцова?

Вот он, этот чужой голос. Он настиг меня. Сердце остановилось. Я все поняла.

– Нет! Нет!!! – Я бросила телефон об стенку. Только, чтобы не слышать этих слов.

Не хочу. Не хочу слышать. Я упала на колени и зарыдала. Нет, только не это. Сашка подбежал ко мне.

– Мама. Мама, что случилось?

– Он никогда не вернется.

– Мама, кто?

– Наш папа. – Я обняла и прижала сына к себе. Это все, что у меня осталось от Кости.

Какая же я дура! Я должна была быть с ним. А меня заела гордость, глупая ревность. Я оставила его. Хотя бы эти несколько дней побыть с ним. Последних. А я даже этого не сумела. Как я могла, как я могла. Всю ночь я корила себя за это. Плакала, останавливалась. И вновь плакала. Вспоминала его голос, его руки. Теперь это все в прошлом. Утром, ничего не чувствуя и ничего не видя, я пошла в школу. На перемене я собралась с силами и позвонила в часть.

– Аллю, – ответили на том конце.

– Это Алена Скворцова. Скажите, когда... Когда будут похороны?

– Что? Чьи похороны?

– Кости.

– Да вы что, Алена, вы сошли с ума?

– В смысле?

– Да он жив. Жив!

– Жив?!

– Да. Он сейчас в госпитале. Он разбился. Но он в госпитале. Он жив, слышите?

– Да. Да. В каком?

– В военном.

Я опустила трубку. Упала на стол. И слезы вновь потекли из моих глаз. Коллеги удивленно смотрели на меня. Наконец, кто-то сообразил, и меня начали отпаивать валерианой.

– Алена, что случилось?

– Он жив. Понимаете, он жив. Он сейчас в госпитале. Мне нужно туда. Мне нужно.

– Да, конечно, езжайте, Алена, езжайте.

Я вызвала такси и, как сумасшедшая, бросилась в госпиталь. Туда, где лежит он. Я открыла дверь палаты, вошла. Увидела его. Всего перебинтованного.

Я услышал, как открылась дверь палаты. Открыл глаза. Она, Алена. Пришла. Пришла пожалеть.

– Алена, – говорю, – пришла, и он отпустил тебя? Не стоило этого делать. Совершенно не стоило. Мне не нужна жалость. Уходи. Уходи сейчас же. Не мучай меня. Ты мне не нужна. Убирайся.

От этих слов я выскочила из палаты. Захлопнула дверь. Присела на диванчик. Господи, меня просто выгнали. Выгнали. Я сидела. Пытаясь прийти в себя. Хотела встать и уйти. Не было сил. Что он сказал? Он отпустил тебя? Кто он? Не нужна жалость, это я могу понять. Но кто он, кто меня отпустил? Нет, я все выясню. Выясню до конца. Я вошла в палату. Подошла. Села возле кровати на стул.

– Я никуда не уйду. Никуда. Пока ты мне все не скажешь.

– А что тебе говорить? Ты же ушла к нему.

– Ни к кому я не уходила. Я просто ушла от тебя.

– Ну, вот, к кому-то ты ведь ушла.

– К Ольге я ушла. К Ольге. У нее пряталась. У тебя вон, эта, Риточка. Я обиделась и ушла.

– Какая Риточка? – Я был удивлен.

– С которой ты разговаривал по телефону, с которой ты в кафе сидел. Не помнишь?

– Глупо. Рита, это наш кадровик.

– Ты говорил, любимая.

– Это я так. Она помогла перенести отпуск. А кафе – это благодарность за то, что она помогла.

– А как у тебя с твоим, все нормально?

– С кем моим?

– С тем. У подъезда машина. Ты еще вернулась. Наклонилась его поцеловать. Он сидел в машине. Потом махала ручкой. Посылала воздушные поцелуи.

– Господи, ты чего? Это Федька, мой одноклассник. Мы не виделись с ним много лет. Случайно встретились. Поболтали. Он меня до дома довез. Мы обменялись телефонами, и я побежала домой. Никого у меня нет, кроме тебя.

– Правда? – До боли хотелось верить.

– Правда, никого. – И я тонул в ее глазах.

– Но все равно, ты оставишь меня. – Я решил, хватит тайн.

– Это еще почему?

– Потому, что я легчик-испытатель. Потому, что рискую каждый день. А ты не можешь любить такого. – Отвернулся к стене. Пара капель влаги на глазах. И услышу звук уходящих шагов.

– Поздно, Костенька, поздно. Я уже люблю тебя.

– Меня, гадкого утенка?

– Какой же ты взрослый мальчишка. Ты не гадкий утенок. Ты мой прекрасный лебедь. Ты расправишь свои лебединые крылья, взлетишь в небо, а я буду ждать тебя на земле. Ждать своего белого лебедя.

Знает долгая ночь

А что такое смерть? Такое ль это зло,
Как всем нам кажется? Быть может, умирая,
В последний горький час, дошедшему до края,
Как в первый час пути – совсем не тяжело?
Пьер де Ронсар

Шаги по асфальту, по мокрой опавшей листве. Улица с редкими прохожими, которые движутся в танце повседневности. Дома, выстроившиеся, словно в почетный караул в ожидании гостя, редкие капли дождя падают ему на голову. Он идет, слегка улыбаясь. Он гость незванный и нежеланный. Где-то вдали клаксон отдает колокольным звоном. Начало дня. У него еще много времени впереди. Можно и отдохнуть. Он тает в безмолвии улицы, обращаясь в осенний лист, висящей на ветке дерева. Он висит, а ветер качает и убаюкивает его. Время для него пустой звук, хотя есть часы, созданные, словно, для него. Это тогда, когда ночь встречается с рассветом, когда кончается одно и начинается другое. Долор игнус анте люцим. Жесткая тоска перед рассветом. Часы, когда люди часто уходит в безмерное безмолвие вечности, встречая свой последний рассвет и провожая свою последнюю ночь. Сын вечности, он пришел, чтобы проводить кого-то в мир без горя и радости, без надежды и отчаяния. Он сам не знал этих чувств. Он знал, что есть такая безмолвная страна, в которую уходят все живущее. Качание на ветвях вечности наскучило ему, и он опять обрел тело. Впереди шли девушки и мило болтали о своем, девичьем.

– Знаешь, Питер все же пригласил меня в кино. – Радостный блеск в глазах. Игривая улыбка.

– Питер, наш Питер? Красавчик? – Удивление и смех.

– Да. Представляешь, как будут завидовать все девчонки.

– Да, конечно.

Хорошо, хорошо, что вы даже не думаете, что когда-нибудь он придет к вам, чтобы открыть врата. Он вышел на шумную улицу. Люди бежали, торопились, смеялись, горевали. Здесь царил суета сует и затеи ветреные. Мне жаль вас, люди. Я буду скорбеть о вашем уходе. Он шел, пытаясь вглядываться в лица прохожих. Потом подумал, неужели мне никогда не познать их радости и горе.

– Мать Вечность, жалела ли ты кого-нибудь? Пожалей своего сына, дай мне краткий миг понять этих людей. – Мысленно он обратился к той, что создала его.

– Я подарю тебе печали, сын мой, прими этот дар. – Печальный голос в ответ.

Впереди шла стройная шатенка. Она бросилась ему в глаза тем, что в отличие от других прохожих, никуда не спешила. Она заглядывала в витрины магазинов, осматривала окрестные дома. Скорее всего, проезжая, решил он. Так увлеклась осмотром окружающего, что не заметила, как каблук туфли провалился в щель чугунной решетки водослива. Он подскочил, чтобы удержать ее от падения.

– Вы чуть не упали, леди. – В бархате голоса мужчины звучит извинение и забота.

– Благодарю вас. Такая досада. – Срывается с губ незнакомки.

– Досада, что не упали? – Он улыбается.

– Досада, что сломала каблук. – Но в голосе больше нет досады. Она улыбается в ответ.

Яркие ленты солнечных лучей вплетаются в седые волосы хмурого осеннего утра. И вот уже осколки солнца тают в лужах.

– Ну, это поправимо. – То ли спрашивает, то ли утверждает мужчина.

– Конечно, сейчас дойду до какого-нибудь обувного магазина и поменяю туфли. – Женщина вздохнула. Не очень приятно ковылять на одном каблуке.

– Позвольте, я провожу вас. Обопритесь на мое плечо. Так вам будет легче идти. – Искорки смеха в глазах. Он представил, как она станет изображать из себя хромую утку.

– Вы очень любезны. – В голосе сквозит оттенок резкости. Она догадывается, что так веселит мужчину.

– Мне это ничего не стоит. – Обезоруживающая улыбка.

Она положила руку ему на плечо и захромала вперед в поисках ближайшего магазина.

– Мне показалось, что вы приезжая. – Мужчина повернул голову к женщине. Смотрит в ее глаза. Их губы совсем рядом.

– Да, я приехала по делам ненадолго. У меня деловая встреча, но ее перенесли на завтра, так что делать было нечего, и я решила немного прогуляться.

– У меня тоже деловая встреча. Я тоже не местный, но встреча меня поздно, очень поздно вечером. Так, что и мне делать нечего. Будет очень дерзким, если я спрошу, а не хотели бы вы скоротать это время вместе со мной?

Она внимательно посмотрела на него.

– А вы не из этих?

– Нет, нет, леди, не из этих. Если вы имеете в виду мужчин, ищущих развлечений.

– Тогда давайте попробуем.

Они шли дальше. Наконец, нашли обувную лавку, в которой леди сменила туфли, и это сразу же улучшило ее настроение.

– Куда пойдём, леди? – Поинтересовался он.

– Право, не знаю. – Она была в замешательстве.

– Время к обеду. Может быть, зайдем, где-нибудь посидим, пообедаем. Там уточним наши планы.

– Я согласна.

Так они и сделали. Они зашли в уютный зал ресторана, сделали заказ.

– А чем вы занимаетесь, леди? – Поинтересовался он.

В зале было немного посетителей. Массивные столы и уютные кресла располагали к неторопливой беседе. Приглушенная музыка.

– Я дизайнер по костюмам. А вы? – Ей было действительно интересно, кто ее спутник.

– Я занимаюсь пассажирскими перевозками. – В некоторой степени это соответствовало правде. Он помогал людям перебираться из одного мира в другой.

– А как вас зовут?

Имя? Как его зовут? Разве есть у посланника Вечности имя. Имя – идентификатор человека. Людей много, их надо различать. Посланник Вечности один. Он вспомнил девушек, которые шли недавно перед ним.

– Питер. А вас? – Имя ничем не лучше и не хуже других.

– Меня зовут Клер.

Вот так они познакомились.

– Тут недалеко парк, там пруд, утки. Может быть, если вы не возражаете, пойдём и покормим несчастных? – Он тоже птица, залетевшая в окно этого мира.

– Совершенно не возражаю. Тем более, что я давно не делала ничего подобного, ничего такого, чтобы позволило мне вспомнить детство.

– Вы в детстве кормили уток. – Сделал вывод мужчина.

– Да, мы ходили кормить уток. И все такое, что делают все дети.

– Ваши родители живы? – В людском понимании у него родителей не было. Никто не качал его в колыбели, не играл с ним. Не водил гулять в парк кормить уток.

– Да, живы.

– Вы в детстве были счастливы? – Он спрашивало том, чего сам не знал. Это понятие ему было неведомо.

– Да, была. У меня прекрасные родители и два брата. Правда, сейчас они живут далеко от меня, но мы часто созваниваемся, переписываемся, иногда на праздники встречаемся.

– Вы замужем? – Опять он касался того, о чем не знал. Семья, что это такое?

– Нет, я не замужем. Была, но, к сожалению, неудачно. А вы, вы были счастливы в детстве?

– Скорее всего, я почти не помню своего детства. Почему-то мне кажется, что я родился взрослым. У меня одна мать, но тоже, как и у вас далеко от меня. Братьев и сестер нет.

– А жена? – Спросила Клер осторожно.

– О, нет, бог миловал. – Питер рассмеялся.

– Почему? Вы так не любите женщин? – Она готова обидеться на него за эту нелюбовь к женщинам.

– Нет, женщин я люблю, но вряд ли какая-то женщина выйдет за меня. Я постоянно в разъездах, так получилось. Я не из тех, кого считают домоседом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.